

УДК 343.14

Аблялимов Нариман Сейтасманович, студент Крымского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Симферополь)

Научный руководитель: Гутник Оксана Владимировна, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права (г. Симферополь).

**ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ С
ПРИМЕНЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ**

Аннотация

Статья исследует правовые условия допустимости доказательств, полученных с помощью искусственного интеллекта в уголовном процессе. Авторы определяют критерии легитимности ИИ-результатов: проверяемость, объективность и открытость архитектуры. Предложена модель «специалист — ИИ-оператор» для верификации данных. Сделан вывод о недопустимости подмены правосознания судьи алгоритмом и необходимости точечного реформирования Уголовно-процессуального кодекса РФ для интеграции цифровых технологий.

Annotation

This article examines the legal conditions governing the admissibility of evidence obtained using artificial intelligence in criminal proceedings. The authors identify the criteria for the legitimacy of AI-generated results: verifiability, objectivity and architectural transparency. A ‘specialist–AI operator’ model is proposed for data verification. The conclusion is drawn that a judge’s legal judgement must not be replaced by an algorithm, and that targeted reform of the

Criminal Procedure Code of the Russian Federation is necessary to integrate digital technologies.

Ключевые слова: искусственный интеллект, допустимость доказательств, доказывание, ИИ-оператор, необъяснимость алгоритмов, цифровая криминалистика.

Keywords: artificial intelligence, admissibility of evidence, proof, AI operator, algorithmic opacity, digital forensics.

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений и качественного изменения характера преступности вопрос о допустимости доказательств, полученных с применением технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ), приобретает первостепенную научную и практическую значимость. Как справедливо отмечает Р.Р. Тебиев, сегодня с уверенностью можно говорить о том, что более 90% преступлений так или иначе совершаются с использованием информационных технологий, что порождает объективную необходимость применения симметричных средств противодействия [1, с. 99].

Вместе с тем активное внедрение ИИ в уголовно-процессуальную деятельность сопряжено с серьёзными правовыми рисками: действующий уголовно-процессуальный закон не содержит специальных норм, регламентирующих применение ИИ, что порождает существенную нормативную неопределённость. Именно допустимость — как требование к надлежащему источнику, законному способу получения и соблюдению процессуальной формы — становится ключевым «фильтром» при решении вопроса о возможности использования результатов ИИ-анализа в уголовном судопроизводстве.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что применение ИИ на всех стадиях уголовного процесса — от выявления преступлений до оценки доказательств в суде — перестало быть предметом

исключительно теоретической дискуссии и превратилось в насущную практическую задачу. Цифровой след присутствует не только в киберпреступлениях, но и в общеуголовных деяниях — переписка в мессенджерах, геолокация, транзакции, — что делает ИИ-инструменты объективно необходимыми, а не факультативными.

Целью настоящей статьи является системный анализ доктринальных подходов к условиям допустимости доказательств, полученных с применением ИИ, и формулирование требований, которым должна отвечать деятельность по применению ИИ в уголовно-процессуальном доказывании. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы.

Применительно к уголовному судопроизводству в научной литературе предлагается рассматривать ИИ прежде всего как субтехнологии, основанные на нейронных сетях, то есть как технологию «слабого» ИИ, способную имитировать отдельные когнитивные способности человека; при этом современные представления об ИИ на практике сводятся к усовершенствованным компьютерным программам, не выходящим за пределы вычислительных систем [2, с. 65]. Именно такой подход позволяет чётко обозначить пределы применения ИИ в следственных и судебных процедурах: «узкий» ИИ не обладает интуицией, гибкостью мышления и правосознанием следователя и не способен принимать решения, требующие морально-нравственной оценки.

Разграничение «слабого» и «сильного» ИИ, предложенное В.В. Глимейдой, методологически точно и практически значимо: «слабый» ИИ поддаётся верификации и допускает стандартизацию, что является необходимым условием процессуальной допустимости. Вместе с тем следует учитывать, что граница между ними размывается по мере развития больших языковых моделей, поэтому критерии «слабости» необходимо периодически пересматривать.

Исследователи выделяют несколько основных направлений применения ИИ в уголовном процессе. М.С. Спиридонов систематизирует их следующим образом: профилактика и выявление преступлений; организация предварительного расследования; криминалистическое сопровождение расследования преступлений; оценка доказательств на досудебной и судебной стадиях [3, с. 483–484]. Классификация построена по стадийному принципу, что позволяет соотносить каждое направление применения ИИ с конкретными процессуальными нормами.

В.В. Глимейда применительно к следственным действиям конкретизирует эти направления: анализ больших данных для выявления преступных закономерностей; применение ИИ при производстве экспертиз; прогнозирование хода предварительного расследования; автоматизация составления процессуальных документов; создание цифровых экосистем [2, с. 65–68]. Перечень конкретен и операционален, однако автоматизация составления процессуальных документов вызывает принципиальные возражения: процессуальный акт несёт правовые последствия и выражает волю уполномоченного лица. Передача его формирования алгоритму без чёткого механизма верификации и личной ответственности должностного лица нарушает принципы законности и обеспечения прав участников процесса.

Практическая значимость ИИ-технологий подтверждается результатами исследований НИИ криминалистики Следственного комитета РФ: на основе материалов более 1000 уголовных дел о серийных преступлениях построены цифровые криминалистические модели, включающие 27 признаков; точность составила 92–98%. Разработанный алгоритм «географического профилирования» позволяет строить портреты серийных преступников с точностью от 88,3 до 93,5% [1, с. 101]. Вместе с тем, как обоснованно указывает Р.Р. Тебиев, высокая точность моделей имеет ограниченное прикладное значение, поскольку существующие учёты

различных ведомств разобщены, имеют разные уровни доступа и не синхронизируются между собой [1, с. 100], что непосредственно влияет на качество входных данных для ИИ-систем.

Применение ИИ при собирании доказательств порождает комплекс проблем, непосредственно влияющих на их допустимость. М.С. Спиридонов выделяет три базовых: необъяснимость алгоритмов, ведущая к невозможности проверить или оспорить полученный результат; предвзятость данных, на основе которых ИИ принимает решение; а также недостаточная правовая регламентация деятельности по созданию и применению ИИ-систем [3, с. 486]. Указанная триада точно воспроизводит международный дискурс об объяснимом ИИ (XAI — Explainable Artificial Intelligence): требование прозрачности алгоритма процессуально обосновано, поскольку право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) включает право оспаривать доказательства, а оспорить «чёрный ящик» невозможно. Данный перечень предлагается дополнить четвёртым элементом — проблемой воспроизводимости результата (его повторяемости при идентичных условиях), которая является признанным критерием научной надёжности метода.

Проблема «необъяснимости» ИИ особенно остро проявляется в судебно-экспертной деятельности. Как отмечает Е.Р. Россинская, использование нейросетей в судебной экспертизе может привести к ошибочным заключениям по ряду оснований: некорректность или недостаточная точность модели; недостаток данных или их некорректная разметка; предвзятость обучающих данных; неправильный алгоритм обучения нейросети; неправильная интерпретация результатов [4, с. 29].

Особую опасность представляют галлюцинации нейронных сетей глубокого обучения — явление, при котором ИИ убедительно выдаёт за факты придуманную им информацию [4, с. 30]. Феномен галлюцинаций означает, что ИИ не просто ошибается, а генерирует убедительно

оформленную ложь. Это принципиально отличает ошибки ИИ от ошибок эксперта-человека, которые верифицируются через рецензирование и повторную экспертизу. Следовательно, стандартные процессуальные механизмы проверки экспертных заключений недостаточны для верификации ИИ-выводов и должны быть дополнены специальными технологическими требованиями.

В.А. Юматов и Э.Г. Юматова указывают, что системы сильного (общего) ИИ представляют собой «чёрный ящик», когда используемые признаки и принцип их анализа вырабатываются программой самостоятельно, а человек вынужден доверять её решениям; такая система не может являться самостоятельным «тестом» на непротиворечивость и достоверность криминалистически значимой информации [5, с. 139]. Ответственность за правильность и обоснованность результатов деятельности ИИ должны возлагаться на эксперта-оператора системы, обязанности которого должны быть детально регламентированы [5, с. 143].

Модель «эксперта-оператора» коррелирует с зарубежным опытом: в США суды применяют критерий Доберта (Daubert standard), требующий от эксперта обоснования научной надёжности применяемого метода. Российское уголовно-процессуальное право располагает схожим инструментом — предупреждением эксперта об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, однако эффективность этого инструмента применительно к ИИ-поддержанной экспертизе требует дополнительной регламентации: остаётся открытым вопрос, несёт ли эксперт ответственность за ошибку алгоритма, которую он объективно не мог выявить.

Применительно к принципу свободы оценки доказательств М.С. Спиридонов убедительно обосновывает, что оценка доказательств с помощью математических алгоритмов, применяющих заранее установленные значения качества каждого доказательства, противоречит принципу свободной оценки, закреплённому в ст. 17 УПК РФ [3, с. 489].

Формализация доказательств посредством присвоения им определённого веса в целях работы математического алгоритма идёт вразрез с основополагающим принципом уголовного судопроизводства, не допускающим заранее установленной силы доказательств.

Внутреннее убеждение суда формируется в совокупности с принципами состязательности, непосредственности, устности и не может быть заменено числовым агрегатом. Вместе с тем необходимо разграничивать два сценария: ИИ как инструмент организации и систематизации доказательственного массива (допустимо) и ИИ как инструмент вынесения вердикта (недопустимо). Запрет должен распространяться исключительно на второй случай, иначе правоприменители будут лишены полезных аналитических инструментов.

О.В. Гладышева, В.А. Семенцов и Я.В. Лошкобанова обращают внимание на принципиальное обстоятельство: ИИ не способен самостоятельно собирать фактические данные о событии преступления, а оперирование данными, не соответствующими установленным законом критериям допустимости, неизбежно приведёт ИИ к ошибочным выводам, а следователя — к ошибочным решениям [6, с. 97]. Формализация процесса доказывания при использовании ИИ не только должна сохраняться, но и в отдельных аспектах усиливаться. Это подтверждается данными опроса следователей, дознавателей и адвокатов, 81% которых выступает за сохранение требования допустимости доказательств как ключевой процессуальной гарантии [6, с. 97].

Принцип «мусор на входе — мусор на выходе» (GIGO) хорошо известен в информатике, однако его правовые последствия сформулированы в отечественной доктрине предельно чётко: недопустимость первичных данных транслируется в недопустимость производных ИИ-выводов. Данная позиция корреспондирует принципу «плодов отравленного дерева» (fruit of the poisonous tree), применяемому в англо-американском праве.

Центральным условием допустимости доказательств, полученных с применением ИИ, является надлежащая процессуальная форма их получения и закрепления. В.В. Глимейда констатирует, что УПК РФ прямо не предусматривает использование ИИ в качестве процессуального инструмента, из-за чего применение соответствующих алгоритмов фактически остаётся внепроцессуальной деятельностью, а результаты не имеют самостоятельного доказательственного значения и должны проверяться и закрепляться традиционными процессуальными средствами [2, с. 65–66].

В качестве такого средства может выступать процедура привлечения лица, обладающего специальными познаниями: специалист с применением ИИ-алгоритмов проводит анализ цифровой информации (например, осмотр сетевых материалов или содержимого электронных устройств), после чего предоставляет письменное заключение, приобщаемое к материалам дела. Конструкция «специалист — ИИ-оператор» является разумным компромиссом в условиях законодательного пробела, обеспечивающим персональную ответственность за результат. Вместе с тем данная конструкция носит временный характер: фигура специалиста в ст. 58 УПК РФ не предполагает самостоятельной доказательственной силы его заключения, что ограничивает значимость полученных ИИ-результатов.

В судебно-экспертной деятельности применение ИИ требует особого методологического оформления. М.С. Спиридонов указывает, что использование нейронных сетей, основанных на машинном обучении, должно находить отражение в исследовательской части заключения эксперта с подробным описанием каждого применённого метода и полученных результатов [3, с. 486–487]. Аналогичную позицию занимает В.В. Глимейда, предлагающий нормативно закрепить в УПК РФ требование об отражении в тексте заключения факта использования нейронных сетей и методов машинного обучения [2, с. 67]. Инструментом нормативного закрепления

этого требования может служить дополнение ч. 2 ст. 204 УПК РФ новым пунктом «з.1): наименование и версия применённых программных средств машинного обучения, источник и дата верификации обучающих данных».

Таким образом, в научной литературе формируется консенсус относительно четырёх ключевых требований: открытость (прозрачность применяемых алгоритмов), проверяемость (возможность оспорить полученные результаты), объективность (свобода от предвзятости обучающих данных) и обеспеченность механизмом ответственности [3, с. 487]. При соблюдении этих условий доказательства, полученные с применением ИИ, будут обладать признаком допустимости.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Применение ИИ в уголовно-процессуальном доказывании объективно необходимо в условиях цифровой преступности, однако сопряжено с комплексом правовых проблем, обусловленных необъяснимостью алгоритмов, рисками галлюцинаций нейросетей, невозможностью делегирования ответственности алгоритму и коллизией с принципом свободной оценки доказательств.

Допустимость доказательств, полученных с применением ИИ, определяется не природой технологии, а соблюдением процессуальной формы их получения и закрепления. В условиях нормативного пробела конструкция «специалист — ИИ-оператор» является допустимым, но временным решением: полноценная процессуализация требует законодательного закрепления специальной процессуальной формы.

Теоретическим фундаментом такого закрепления служат четыре принципа: открытость, проверяемость, объективность и ответственность. Проблемы институционального характера — прежде всего разобщённость ведомственных баз данных и отсутствие системы стандартов — требуют решения в рамках отдельного нормотворческого процесса, которому

посвящена следующая работа авторов, логически продолжающая настоящее исследование.

Литература

1. Тебиев Р.Р. Некоторые возможности использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Научный портал МВД России. 2024. № 2. С. 98–102.

2. Глимейда В.В. Правовые особенности реализации процессуальных направлений использования искусственного интеллекта при производстве следственных действий // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 2. С. 64–70.

3. Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 2. С. 481–497.

4. Россинская Е.Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3. С. 21–33.

5. Юматов В.А., Юматова Э.Г. Искусственный интеллект в судебной экспертологии: проблемы и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2025. № 4. С. 137–146.

6. Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 1. С. 89–99.

Literature

1. Tebiev, R.R. Some possibilities for the use of artificial intelligence in the detection and investigation of crimes // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2. pp. 98–102.

2. Glimayda V.V. Legal aspects of implementing procedural approaches to the use of artificial intelligence in investigative proceedings // Legal Bulletin of Kuban State University. 2025. No. 2. pp. 64–70.

3. Spiridonov M.S. Artificial intelligence technologies in criminal procedural evidence // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1. No. 2. pp. 481–497.

4. Rossinskaya E.R. Neural Networks in Forensic Science and Expert Practice: Problems and Prospects // Bulletin of O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy). 2024. No. 3. pp. 21–33.

5. Yumatov V.A., Yumatova E.G. Artificial intelligence in forensic science: problems and prospects // Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2025. No. 4. pp. 137–146.

6. Gladysheva O.V., Sementsov V.A., Loshobanova Ya.V. Artificial intelligence and digital (electronic) evidence in criminal proceedings // Legal Bulletin of Kuban State University. 2024. No. 1. pp. 89–99.